

За последние пять тысяч лет значение архитектуры непрерывно падало. Из древнего культа архитектура сначала превратилась в искусство, а затем в падчерицу и служанку власти. В современных сооружениях не выражается никакой общекультурной мифологии жизни и мира. Не дают должного эффекта обращения ни к социологии, ни к философии. В гипотетической перспективе не исключена возможность возвращения архитектуре ее основополагающих функций, стертых столетиями вербальной культуры. Ключевые слова: недооценка архитектуры; утрата подлинных ценностей архитектуры; десакрализация; демократизация; возвращение архитектуре основополагающих функций. /

For the last five thousand years, the significance of architecture has been constantly decreasing. From the ancient cult, architecture first turned into art, then into a stepdaughter and a servant of the power. The contemporary structures express no common cultural mythology of life and the world. They have no proper effect of reference to sociology or philosophy. Hypothetically, it is possible to return to architecture its fundamental functions erased by the centuries-long verbal culture.

Keywords: undervalued architecture; loss of genuine values of architecture; desacralization; democratization; returning of fundamental functions to architecture.

^ Шарджа. Жилые дома.
Фото Елены Багиной

Недооценка архитектуры / Undervalued Architecture

Разговоры о том, что архитектура в наше время недооценивается – банальная повседневность профессиональной мысли. Союз архитекторов взывает к правительству о повышении внимания к архитектуре, ученые требуют ввести в законодательство законы и кодексы, в соответствии с которыми архитектуре уделялось бы должное внимание. Включение архитектуры в градостроительный кодекс приравнивается к величайшей победе архитектуры.

Но, как мне кажется, все это не что иное, как шумовое сопровождение к забвению архитектуры и утрате ее подлинной ценности.

Было бы легче, если бы невнимание или недооценка архитектуры обнаруживалась лишь в коридорах и кабинетах власти, но, на мой взгляд (который многие сочтут кощунственным и вероломным), архитектура потеряла свой смысл и ценность и в глазах самих архитекторов.

И началось это не с приходом промышленной революции в XIX веке, и не в 1954 году по инициативе Никиты Хрущева, а много раньше.

Не нужно быть Платоном или Ньютоном, чтобы заметить, как в истории западной цивилизации за последние пять тысяч лет роль и значение архитектуры непрерывно падали. Снижалась социальная, культурная и духовная миссия зодчества, которое из древнего культа превратилось в искусство, поначалу став чуть ли не матерью всех искусств, а затем утратило и эту материнскую привилегию, сделавшись падчерицей и служанкой – власти, идеологии, капитала и, наконец, торговой рекламы.

Архитектура в последние сто лет примеряла разные модные платья, превращаясь то в технику, то в науку, то, наконец, в философию и неуклонно тяготея при этом к своего рода магии. Но поскольку сама магия до последнего времени, хоть и вошла в моду, но еще не завоевала себе места на социальном Олимпе, архитектура сохраняет положение какого-то странного персонажа, какого-то инкогнито или маски, смысл которой мало кому понятен, в том числе и самим архитекторам.

Можно сказать без преувеличения, что само слово «архитектор», введенное в оборот в Древнем Риме, несет в себе какую-то авторитетную силу, отчего именно это слово порой используют политические лидеры или каки-

е-то культурные светила, не имеющие прямого отношения ни к строительству, ни к архитектуре.

Слово это осеняет нынешних архитекторов реликтовым излучением или светом неведомой силы, уже едва ли соответствующим нынешним полномочиям и претензиям самих зодчих.

Падение архитектуры отчасти вызвано падением ее покровителей, в числе которых культы древности, империи, феодальная аристократия и христианские религиозные центры – городские соборы и монастыри. В конце XIX – начале XX века эта десакрализация и демократизация архитектуры переживались и как падение, и как перспектива нового необычайного взлета. Архитектура трудящихся масс обещала быть чем-то не менее значительным

< Шарджа. Жилые дома.
Фото Елены Багиной

^ Церковь Св. Лоренца Нюрнберг. Фото Сергея Астапова

^ Церковь Рождества Вифлеем Фото Сергея Астапова

и величественным, чем древнеегипетские и христианские храмы. В первые послереволюционные годы были даже проекты храмов – новых храмов «общения народов». Но что стояло за этим «общением народов», тогда было не совсем ясно. Этому общению народов предшествовала первая мировая война, и вслед за ней разразилась вторая мировая война. По своей монументальности и жертвам эти войны – единственные факты монументализма, сопоставимые с древнейшими храмами, но с противоположным смыслом – они были символами не созидания, а разрушения миров.

В последние относительно мирные годы общение народов приняло формы торговли, кооперации, финансовой монополизации и коммуникативной глобализации. И все эти новые монументальные формы общепланетарной интеграции человечества к традиционной архитектуре имеют косвенное отношение.

Эти формы жизни планеты выразились в архитектуре в промышленных сооружениях вроде автобанов, гигантских дамб, плотин и аэропортов, космодромов, а также в стереотипной застройке мегаполисов.

В них не выражается, как то было в древности и средние века, никакая общекультурная мифология жизни и мира. Это следы иных социальных сил и процессов, и, вопреки надеждам архитектурного авангарда, они не стали новой Архитектурой с большой буквы, сделавшись своего рода функциональным дизайном.

Архитектура второй половины XX века усвоила этот исторический урок и окончательно потеряла претензии на духовное возрождение человечества, сделавшись инструментом политической (особенно в условиях тоталитарных государств) или коммерческой рекламы.

Идеология современной архитектуры, формально освободившейся от покровительства со стороны мифа, церкви и даже политической бюрократии, осталась идейно опустошенной, попала в ряд обслуживающих социальные институты декоративной деятельностью. Одним из симптоматичных следствий этой утраты первородства в архитектуре стали попытки обрести свой смысл в социологии. Социология в целом этих надежд не оправдывает, так как строится на основании научного объяснения, а не проектного предвидения и норматизации. Таким об-

разом, даже те редкие успехи социологического альянса с архитектурой остаются в качестве прикладных знаний в сфере декоративно-индустриального дизайна массового производства.

Марксизм, впитавший гегельянские пророческие интонации, казалось бы, обещал нечто новое, но не оправдал этих надежд, и марксистская социология из проектной дисциплины постепенно превратилась в исследования, опирающиеся скорее на индивидуальное, чем на коллективное поведение.

Характерен в этом отношении западный функционализм и его двойник – советский конструктивизм. Полагая себя жизнестроительными инициативами, эти творческие направления конструировали не жизнь или жизненные миры, а лишь технологическое оборудование для производства и потребления, подчиненное технологическим схемам, приправленное геометрической стерильностью и гигиеной. Этот техницизм пытался освободиться от функциональной схематики, но никаких новых идей не родил и, в конце концов, вернулся к имитации, окрашенной во имя спасения духа легкой иронией. Эта саморония автономии архитектуры, казавшаяся ее победой, все же скорее обозначала последний акт ее исторического поражения.

Попытки поставить архитектуру на собственные ноги предпринимались в сфере тектоники, гармонизации, психологии восприятия, конструктивной логики, новой технологии производства и новой технологии мышления, феноменологии когнитивных процессов и творческой силы подсознания. И все же, сколько бы надежд эти искания не пробуждали, жизнь возвращает архитектуру к суровому минимализму смысловой стерильности.

Категория смысла, возвращаясь сегодня в теорию архитектуры, остается не обеспеченной никакими надежными источниками, если не считать все тех же заимствований извне – из науки, техники и истории мифологии. Но ни академическая наука, ни мифология, ни психоанализ, ни партийные лозунги дела не спасают. Стоит заметить, что еще в девятнадцатом (отчасти и в двадцатом) столетии архитектура, следуя примеру Ренессанса, пыталась обрести эти смыслы в истории. Так

что ни исторические изыскания, ни следовавшая за ними функционалистская программа не дали нужных результатов. Легко понять, что это историческое фиаско не могло особенно поднять дух профессии.

Стоит заметить, что эта утрата веры в себя развертывалась на фоне временно возникавших новых ожиданий – в сферах литературы, театра, техники (в XIX веке), проектировании и социальной инженерии, кино и телевидении (в XX веке). Но когда и эти сферы жизни стали растворяться в кислотной среде деконструктивных философских анализов, эти надежды ушли в прошлое.

На что же надеяться архитектуре в ее ближайшем и отдаленном будущем?

Тут мы вступаем в сферу гипотез и предположений, которые могут оказаться пророческими или пустыми. Повторение лозунгов и идей минувших 200 лет со всеми их пассаеистскими и футуристскими взлетами едва ли стоит принимать за надежную основу, хотя выкидывать их из поля зрения совершенно недопустимо, ибо они могут содержать некоторые важные импульсы, которых мы пока что не сумели разглядеть. В этом смысле, я считаю, что мы все еще не поняли ни архитектурной мысли XIX, ни архитектурной мысли XX века, в том числе и в особенности – архитектурного авангарда начала прошлого века. Судьба архитектурной мысли этих столетий подвергалась то лихорадочным надеждам, то истерической дискредитации и новым, не менее истерическим, переоценкам.

Так что задача нынешнего века прежде всего, может быть, состоит в пересмотре этих экзальтированных оценок и выработке более спокойного взгляда.

Еще сложнее выработать такой спокойный взгляд в диапазоне гораздо большего исторического масштаба и пересмотреть историю архитектуры и ее связь с идеологиями Древнего мира, Средних веков и Века Просвещения и Прогресса.

Все, чем мы пока располагали, было попытками интерпретировать эту историю в свете доминирующей в тот или иной период идеологии – как позитивной, так и критической.

И все эти попытки – сколь высоко они бы ни ставили саму Архитектуру, выработали отношение к ней как к сфере не просто вторичной моделирующей системы, (тут вторичность остается техническим термином семиотики), а как вторичной системы в смысловом отношении, то есть не располагающей первичными инициативами смыслополагания. Таковы и философские интерпретации Ренессанса, и моральные концепции Просвещения, и методологические теории XX века.

Эта унаследованная новым и нашим временем «вторичность» архитектуры, на мой взгляд, ошибочна, и не дает нам возможности увидеть ее действительный исторический и метаисторический смысл.

Здесь не место входить в конкретные программы преодоления этого комплекса архитектурной неполноценности. В задачи этого текста входило только обратить внимание на этот комплекс как на скрытую причину безынициативности современной архитектурной теории и самой архитектуры, охватившей все «прогрессивное человечество».

Какой бы безнадежной нам ни казалась перспектива архитектуры и искусства в начале XXI века, нельзя не учитывать, что мы переживаем переходный период новой глобализации, по своим последствиям еще совершенно не представимой. И многие кажущиеся нам уже достаточно освоенными виды технической коммуникации – не только компьютеры, но и фотография или новая философия – таят в себе пока что не предвидимые повороты и перевороты в ценностях и представлениях. В этой, конечно, туманной и гипотетической перспективе, я не исключаю возможности возвращения архитектуре

ее основополагающих функций, стертых столетиями вербальной культуры. В конечном счете, я верю в способность самой вербальной культуры на ограничение своих возможностей по аналогии с ограничениями возможностей рассудка, продемонстрированных Кантом.

Но речь идет не только о возврате к «вещам», «мирам» или «зрительным» и «чувственным» образам: есть много упущенных архитектурой последних веков сфер, которые могли бы вернуться в ее лоно с новыми смысловыми инициативами.

И тогда архитектуре пришлось бы распрощаться с ее вольной или невольной нынешней недооценкой.

в Шарджа. Жилые дома.
Фото Елены Багиной

